

Татьяна МОСКВИНА: Новая жизнь прорастает в прежней

В НОЯБРЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОЗАИК, ДРАМАТУРГ, ПУБЛИЦИСТ ПРЕДСТАВИЛА КНИГУ «ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ ДЕВУШКИ. БИОРОМАН»

Книга посвящена первым двадцати пяти годам ее собственной жизни. Накануне презентации Татьяна Москвина рассказала «ВП» о новой книге и о собственном отношении к советскому прошлому.

— Татьяна Владимировна, как появился замысел книги?

— Не то чтобы я стала испытывать какое-то недоверие к тому, что называется fiction, или усталость от чтения художественной литературы, но года три назад у меня вдруг возникло желание описать какую-то часть своей жизни. Уже образовалась некая эстетическая дистанция, есть некое расстояние, с которого можно на это посмотреть. Скажем, любой фильм через двадцать пять лет после его создания интересен — даже если в нем нет ничего выдающегося. Интересно: как снимали в то время, во что люди были одеты... И вот я подумала, что пришло время описать первые 25 лет моей жизни. А то, что книга названа «биороман», — это шутка, сочетание букв «био» давно уже ничего не выражает. Биойогурт — йогурт и есть. Якобы это роман с жизнью, роман о жизни.

— У вас были перед глазами какие-то образцы «романа с жизнью» — жанра довольно распространенного?

— Конечно, есть в этом что-то очень древнее — рассказывать о своей жизни. Я люблю Довлатова. Высоко ценю Лимонова. Конечно, я читала и дневники Шварца, которые тот писал для себя, не думая ни о какой публикации. Потрясающие портреты, разговоры, течение живой острой мысли — совершенно неожиданно для тех, кто впервые их читает и имеет представление о Шварце как о добром сказочнике. «Караван историй», представьте, почитываю. При всем ничтожестве этого стиля и этой манеры изложения там есть крупинки чего-то важного и подлинного.

Это все очень занимательно и поучительно. Часто человек сам не понимает, что он рассказывает и про что. Рассказывается одно, а читатель видит совершенно другое.

— Вам легко было писать эту книгу?

— Это захватывающий процесс. И не скажу, что легкий. Всякий раз, когда пишу большую вещь, я останавливаюсь и думаю: да ну, какая-то ерунда, отхожу от вещи в каком-то разочаровании и усталости. Потом спустя какое-то время, когда вновь принимаюсь за нее, сама удивляюсь: отличный текст, что за дела? Чего я дурака-то валяю? Павел Крусанов говорит, что у него так тоже бывает. Это текст испытывает тебя: а достаточно ли ты смел и свободен, чтобы решиться написать его, это такое испытание при приближении к чему-то настоящему.

А вообще ни одна статья, ни одна книга не далась мне легко.

Я быстро соображаю и быстро работаю, но быстро не значит легко. Иногда я просто падаю — не от физической усталости, а потому, что трудно в этом состоянии находиться долго. Пропадает время. Это, кстати, хороший признак, когда «шесть часов прошло — боже!», когда пре-

Татьяна Москвина: «Ни одна статья, ни одна книга не далась мне легко».

вращаешься в чистый разум. Это мне один читатель в комментариях к статье в газете написал: «Мне бы хотелось, чтобы Москвина превратилась в чистый разум».

— Поскольку книга названа «роман» — каков все же в ней процент выдумки?

— Там выдумки в точном смысле вообще нет. Кое-что смягчено, преобразовано, поэтизировано, смонтировано. Отобрано то, что мне казалось существенным. Там же не только о себе — там и о тогдашнем времени, о том, как я его воспринимала тогда и сейчас. Описание чего-то оригинального, а чего-то и совершенно типичного. Родители инженеры — инженеров было тогда наклепано невероятное количество, миллионы. Неказистая жизнь, не изобилующая материальным достатком. В общем, как у многих.

— Как вы для себя определяли границы откровенности?

— Все же письмо, пришедшее к человеку, принадлежит этому человеку. Жизнь, прожитая мною, принадлежит мне. Почему я не могу сказать о том, что было? О многом я не писала, рассказывала только то, что не представляет собой никакого секрета. Если мой первый возлюбленный был бабник, то об этом знал весь Театральный институт. Если я говорю о происшествиях в моей семье, то там тоже нет никаких тайн. Если я пишу о каком-то человеке пристрастно — так я и не скрываю этого. Мне тогда было девятнадцать лет. Как я еще могу об этом говорить? К тем событиям я не смогу относиться по-другому. Мама вышла замуж за другого человека — как я могла радоваться и прыгать? У меня, как у несостоявшейся актрисы, есть способность остро переживать прошед-

шее, и я честно предупреждаю читателя об этом. А что предупреждать? Мой читатель и так знает, что человек я страстный и пристрастный. И даже в разумных моих рассуждениях холода и спокойствия нет. Ничего я не раскрываю, никого не разоблачаю. Никаких знаменитостей и звезд в книге нет. Только в самом конце появляется Сергей Леонидович Шолохов — как раз тогда он появляется и в моей жизни, как чрезвычайно симпатичный молодой человек, который поступает в аспирантуру Института истории искусств. Никакого тогда внимания я на него не обратила — потом обратила, но это, как говорит актер Каневский, совсем другая история.

— Почему советское время не отпускает нас?

— Так и при советской власти нас прошлое не отпускало. Пели белогвардейские песни, возвращались к Пушкину и Достоевскому. История пресекалась, нет советской власти, а куда деть сумму прожитых жизней, созидание и разрушение? Ведь еще живы люди, которые до войны родились. Мы должны связать эти времена собой.

— Что исчезло с Советским Союзом, чего вам жаль?

— Я не обращена глазами в прошлое. Новая жизнь прорастает в прежней, сквозь нее. По большому счету ничего не жалко, если иметь в виду приметы жизни. Ужасно жалко ушедших, но они умерли бы в любом случае — остался бы Советский Союз или нет. Вообще жизни жалко, жизни. Жалко, что никогда не увижу спектаклей Эфроса. Жалко актеров с их поразительными лицами. Не будет больше ни Юрия Никулина, ни Папанова. Не может быть Андрея Миронова. Я по ним ужасно скучаю — по тем, кто воплотил в себе луч-

шие черты русского советского человека, мне грустно без их горячего света и бесконечной оригинальности. Ну вот Евгений Леонов — ну что это за актер, что это за внешность? А мы без этого лица жить не можем. Но нет и Фернанделя, и Бурвиля нет. И нового Джэка Николсона, которому уже под восемьдесят, — не появилось.

— Вы с нескрываемым скепсисом пишете о тех, кто «выбрал свободу», сбежал от этой советской жизни на Запад...

— Я видела сестру Барышникову и понимала, как ей досталось после поступка брата, как тягали ее в разные инстанции. Он совершил прыжок в свободу, но не каждый может так прыгнуть. Барышников сам разберется со своей жизнью, я туда не лезу. Что я за судья? Но я бы так не смогла.

— Какое будущее ждет эту книгу? На какой прием вы рассчитываете?

— От Петербурга я ничего не жду — здесь меня не принято хвалить. В Москве, думаю, книга пойдет неплохо, там такое любят, там люди интересуются друг другом. Мне бы хотелось, чтоб эту книгу прочли не только столицы. В этой книге нет идеологии, а есть чувственное переживание жизни. Есть какое-то послание, не выскомерное, а очень человеческое, надеюсь: ребята, держитесь, учитесь, работайте. Сегодня одни демоны нас терзают, завтра будут другие. А нам надо друзей любить, родных беречь, делать что-то правильное и хорошее по возможности. Надеюсь, мои неведомые друзья получат мое письмо и меня поймут. Я очень жду, что скажет Россия.

Беседовал Сергей КНЯЗЕВ
Фото Интерпресс